

СПРОСИТЕ ИОСИФА...

(Драматические фантазии Славы Степнова и Романа Фрейда)

Действующие лица

ИОСИФ

АКТЕР

АКТРИСА

ЯКОВ

МАТЬ

ОТЕЦ

В пьесе использованы фрагменты из пьесы А. П. Чехова «Чайка», и цитаты из книги «Иосиф Бродский. Большая книга интервью», составитель Валентина Полухина.

**Нью-Йорк, 2011 год
@ STEPS THEATRE**

ПЕРВЫЙ АКТ

Полутемная сцена. Слева на авансцене: деревянные козлы для распила дров. Вокруг фотоаппараты, принадлежности для проявления и печатания снимков, сами снимки, посуда, фарфор, белье, скатерти, обувные коробки, верстак, на нём - батарейки, старый морской китель, бинокли, семейные альбомы, пожелтевшие журналы, шляпы и платки, веера и прочие сувениры памяти.

Справа: длинный стол. За ним сидят несколько человек. Перед каждым из персонажей настольная лампа.

Внешний образ каждого отличает некая деталь, например, ярко окрашенные губы актрисы, галстук – бабочка Актёра, фотоаппарат в руках Отца, военизированная одежда Якова и электропила, которую он держит, как оружие.

ФАНТАЗИЯ ПЕРВАЯ.

Актриса (*зажигает свою лампу*). Отец и его жена не пускают меня сюда. Говорят, что здесь богема... боятся, как бы я не пошла в актрисы... А меня тянет сюда, к озеру, как чайку... мое сердце полно вами. (*Оглядывается.*)

Актер. Мы одни.

Актриса. Кажется, кто-то там...

Актер. Никого.

Поцелуй.

Актриса. Это какое дерево?

Актер. Вяз.

Актриса. Отчего оно такое темное?

Актер. Уже вечер, темнеют все предметы. Не уезжайте рано, умоляю вас.

Актриса. Нельзя.

Актер. А если я поеду к вам? Я всю ночь буду стоять в саду и смотреть на ваше окно.

Актриса. Нельзя, вас заметит сторож. Трезор еще не привык к вам и будет лаять.

Актер. Я люблю вас.

Актриса. Тсс.

Актер (*услышав шум*). Кто там? Вы, Яков?

Яков. Точно так.

Актер. Вы как военный.

Яков. А я и есть военный.

Актер. Становитесь по местам. Пора. Луна восходит?

Яков. Точно так.

Актер. А зачем вам электропила?

Яков. Это очень важный театральный реквизит. Пригодится. Всякое может быть...

Актер. Хорошо! Спирт есть? Сера есть? Когда покажутся красные глаза, нужно, чтобы пахло серой. (*Актрисе.*) Идите, там все приготовлено. Вы волнуетесь?..

Актриса. Да, очень. Ваша мама – ничего, ее я не боюсь, но у вас сегодня Иосиф... Играть при нем мне страшно и стыдно... Известный писатель... Он молод?

Актер. Да.

Актриса. Какие у него чудесные эссе!

Актер (*холодно*). Не знаю, не читал.

Актриса. В вашей пьесе трудно играть. В ней нет живых лиц.

Актер. Живые лица! Надо изображать жизнь не такую, как она есть, и не такую, как должна быть, а такую, как она представляется в мечтах.

Актриса. В вашей пьесе мало действия, одна только читка. И в пьесе, по-моему, непременно должна быть любовь...(*уходит*)

Актер (*раздраженно*). Яков, будьте готовы к открытию занавеса!

Сейчас чуть в стороне на высоком табурете сидит Иосиф, освещенный ярким лучем, который бьет ему в глаза, он хочет прикрыть глаза руками и пытается изменить свое местоположение, чтобы было удобно... Иосиф кашляет, он явно болен.

Иосиф (*негромко, кутаясь в шарф*). Простите, я простужен... /отпивает из железной фляжки/ Это – не чай с лимоном и малиной, малиновым вареньем... Это – коньяк, рецепт для настоящих мужчин (*улыбается*)... Что делать: всякое дитя стремится к взрослости!

Когда я был маленьким, мне всегда давали горячее молоко со сливочным маслом и мёдом. Я вообще любил поболеть и поваляться дома с книжкой. Мать закутывала меня как капусту, надевала шерстяные носки, давала молоко с маслом и мёдом и клала меня под китайское пуховое одеяло, отцовский военный трофей. Я засыпал крепко, крепко. Просыпался весь мокрый, но уже без температуры...

Воспоминания о родителях имеют для меня этот вкус - молока с маслом и мёдом...(чуть помолчав)

Болея в детстве часто и в основном ангинами. Матери объяснили, что это потому, что у меня слишком большие гланды,

которые легко воспаляются. Было решено эти железы вырезать. Я помню смутно, но вроде операцию делали у какого-то доктора Мурашковского, по знакомству, на дому...

Почему родители эту операцию решили делать «на дому», я не успел у них спросить. А, теперь, и спрашивать не у кого...

(улыбается) Будучи следствием, не могу восстановить причины... Время – трагично, его не вернёшь... Да и мёд, теперь – какой-то весь искусственный... Молоко, говорят, взрослым не полезно, а масло - вообще яд... *(хочет встать)*

Яков *(вскрикнув, стремительно подскакивает к Иосифу)*. Пожалуйста!.. Сидеть!.. *(разглядывает Иосифа)* Имя?

Иосиф. Что-что?

Яков. Имя.

Иосиф. Чье?

Яков *(серьезно и широко)*. Начинаете не по команде... Это не по правилам! *(останавливается спиной к залу, напротив Иосифа, включает электропилу)*.

Иосиф *(через шум)*. Интересная у вас электропила! *(Хочет встать.)*

Яков. Сидеть!.. Имя!

Иосиф. Иосиф.

Яков. Имя – отчество.

Иосиф. Иосиф Александрович!

Яков *(выключает электропилу)*. Вот теперь по форме, как положено... Покажите язык!

Иосиф *(недоуменно)*. Пожалуйста *(высовывает язык)*.

Яков (*разглядывая язык*). Нормальный язык. Немножко с желтоватым налетом, но ничего... Все в порядке...

Иосиф (*озадаченно пробует шутить*). Язык – это самостоятельная величина, самостоятельное явление...

Яков. Вы о каком языке?

Иосиф. Разумеется, не о своем...

Яков (*продолжая*). Значит, говорите, звать вас Иосиф Александрович... Это не совсем так... Имя я вам дам – здесь. Сам. Сейчас. Если будете хорошо себя вести. Мы назовем вас, скажем, Язык. Ко мне можно обращаться как полагается, господин начальник. Понятно? Повторите.

Иосиф. Господин начальник.

Яков. Ну так вот, Язык. Дело у меня на вас увесистое и вопросов много. Боюсь не успеть. Но главное: мне абсолютно, извините за выражение, плевать, выйдете вы отсюда или нет. Про то, что вы здесь, знаю только я. Так что, Язык, давайте разговаривать... (*достаёт папку, ищет там какие-то страницы*)... И начнем с этого документа (*держит листок перед лицом Иосифа*). Читайте!

Иосиф (*читает*). Еще час назад сцена, на которой я сейчас нахожусь, так же как и ваши кресла, была пустой...

Яков. Читайте с выражением!

Иосиф (*читает*). «Еще час назад сцена, на которой я сейчас нахожусь, так же как и ваши кресла, была пустой. И через час кресла опять опустеют. Большую половину дня, я полагаю, здесь никого нет: пустота – обычное состояние этого помещения. Будь оно наделено сознанием, оно бы расценивало наше присутствие как помеху.

И это не хуже, чем что-либо другое, демонстрирует значимость происходящего, во всяком случае, важность нашего собрания.

Вне зависимости от того, что привело нас сюда, соотношение не в нашу пользу»...

Яков (*бормочет*). Галиматья какая-то! Будем разбираться... Скажите, маэстро, что вы имели в виду? Это ведь не пустая болтовня, у вас ведь мысль была.

Иосиф. А что мне инкриминируется?

Яков. Вопросы здесь задаю я. Что значит: соотношение не в нашу пользу? А в чью пользу, чёрт вас дерит?

Иосиф. Ну, в пользу пространства.

Яков. Ага, значит, превосходство пространства над человеком... Замечательно!.. Поехали дальше... Ваша национальность?

Иосиф. Еврей.

Яков. Правильно. Вероисповедание?

Иосиф. Да сложно это...

Яков (*серьезно, хмуря брови*). Ваши родители были ортодоксальными евреями?

Иосиф. Нет. Я был воспитан вне религии, но не мог не знать, каково быть евреем: это ведь вроде отметины (*улыбается*). Люди называют тебя «жид», в какой-то степени человек становится изгоем. Но может быть, это и хорошо: это вынуждает тебя быстрее понять, что ты собой представляешь.

Яков. Трудно быть евреем?

Иосиф. Я мало задумываюсь об этом, хотя бы потому, что всегда старался определить себя жестче. Говоря иначе...

Яков. Давайте без лирики... Прямо отвечайте на вопрос... Что внести в протокол?

Иосиф. Пишите – атеист.

Яков. А вот и нестыковочка... У меня тут записано, цитирую дословно: «Я плохой еврей. Думаю, что человек должен определять себя более точно, чем по расе, вере или национальности. Сначала важно понять, труслив ты, честен или нечестен... » Ваши слова?

Иосиф. Ну?

Яков. Не «ну», а «да, господин начальник»... Понятно?

Иосиф. Ну да.

Яков. Вот так, «плохой еврей»...

Иосиф. Что делать – вопросы самоидентификации...

Яков (*смеется*). Совершенно верно. С этим разобрались...
Дальше... Социальное происхождение?

Иосиф. Из служащих.

Яков. Подробнее, Язык, подробнее.

Иосиф. Отец служил военным, затем был фотографом, журналистом. Мать – бухгалтер. Зачем они вам? Они оба умерли.

Яков. У нас яблоко от яблоньки бульдозером не оттащишь...
Кстати, скажите Язык, как вы едите яблоко?

Иосиф. В каком смысле?

Яков. Как вы обычно едите яблоко? Чистите его или режете как-нибудь?

Иосиф. А зачем вам?

Яков. Вот поэты! На простой вопрос по-человечески ответить не можете. Спрашиваю – значит, надо. Ну так как? Как вы едите яблоко?

Иосиф. Я ем все яблоко, без остатка, с сердцевинкой и косточками. У меня в руке остается одна палочка.

Яков. Палочка?

Иосиф. Веточка на которой яблоко висело.

Яков. Палочка, значит, остается. Хорошо!.. (Актеру, включая его настольную лампу.) Молодой человек, вот наш знаменитый поэт ест яблоки целиком, вместе с огрызком. Можно сказать, заглатывает. Одна палочка-веточка остается. Наверное, чтоб в зубах поковырять. А как ВЫ это делаете? Скажите, как вы едите яблоко?

Актер. Я не ем яблок. Я их терпеть не могу. Так что у нас с «великим» разные вкусы.

Яков. Вот как? А в чем еще они у вас разнятся? Вы только не нервничайте.

Актер. Кто вам сказал, что я нервничаю?

Яков. Да никто... Показалось. Язык, а вам тоже так показалось?

Иосиф. Что?

Яков. Будто молодой человек нервничает. А?

Иосиф. Мне трудно сказать. Я молодого человека практически не знаю.

Актер. Конечно, не знаете... Куда вам. Это вас весь мир должен знать и восхищаться. Это самое простое – никого не замечать вокруг. «Я – гений! Пишите обо мне мемуары: как вам посчастливилось жить со мной в одно время».

Яков. Ого... Хорошее заявление!

Актер. Вам, Иосиф, наверняка наплевать, но я вам в самом начале кое-что должен сказать – давно наболело.

Яков (*паясничает*). Дзынь... Поступила жалоба!

Актер. Нельзя так относиться к людям. Пре-не-бре-жи-те-ль-но! Например, я актер! Пробую себя в режиссуре... Мне трудно. Не все складывается так, как хотелось бы. Работаю много. Моя работа – выворачивать себя наизнанку. Думаете, это просто?! По жизни мечешься, словно больной, в такие собственные уголки души заглядываешь, аж тошнит! А на сцене – одно нытье сентиментальное получается, ничего особенного. Но я тоже хочу быть великим! Я хочу, чтобы меня у-ва-жа-ли!

Яков. Зависть – отличный двигатель интриги!

Актер. Да ладно, к черту все это! Вы, наверное, даже не понимаете, о чем я говорю. Вас это уже много лет как не касается...

Иосиф. Да подождите вы! Не надо так... Объясните, в чем моя вина?

Актер. Нечего объяснять!.. Вы, что ни напишете, она аж рыдает, тушь по всему лицу размазывает... Мне обидно... (*быстро уходит*).

Яков. Ну что, Язык, посоветуем молодому дарованию?

Иосиф. Не знаю! (*кричит вдогонку Актеру*). Живите своей жизнью. Она – ваша.

Яков. Не густо, не густо.

Иосиф. Сколько могу, господин начальник.

Яков. Яблочко от яблоньки... Яблочко от яблоньки... А если яблонька с гнильцой, то и яблоко далеко не укатится... Ну что же,

в этом месте поставим галочку!.. (Отмечает что-то в бумаге карандашом).

ФАНТАЗИЯ ВТОРАЯ.

Звонок телефона, долгий и пронзительный.

Мать (за столом, включает лампу, берет трубку). Але?

Иосиф. Але, мама.

Мать. Ой, мальчик, это ты?

Иосиф. Да, да, мама.

Мать (кричит). Але-але...

Иосиф. Але, але мама. Как вы там?

Мать. Ой, слышно, как будто ты из соседней квартиры звонишь. Как ты там? Как себя чувствуешь?

Иосиф. Да все в порядке. Как вы? Как вы себя чувствуете?

Мать. Да ничего. Холодно очень стало, я мало на улицу вылезая, знаешь, скользко и ветры с Балтики. Ну ничего... Мы молодцом, держимся.

Иосиф. У вас хоть топят нормально? Окна заклеили?

Мать. Да, заклеили. Внешние рамы заклеили, а внутренние... Ой, этот звонок ведь массу денег стоит. Расскажи быстренько, как у тебя там? Как работа? Как себя чувствуешь?

Иосиф. Мам, не волнуйся. Не торопись.

Отец (Матери из другой комнаты). Ты чай допивать будешь?

Мать (Отцу). Ой, да отстань ты, идиот... Выключи этот телевизор! (*В телефон*) Отец твой до кишок достал. И бубнит, и бубнит чего-то целый день.

Иосиф. Как он?

Мать. Да нет, все у нас в порядке. Вот ветчина импортная в банках появилась. Очень вкусная. Очереди за ней, конечно, и дают две банки в руки, но ведь ее хранить можно долго. Я на Новый год одну банку припасла.

Иосиф. Кто у вас на Новый год будет?

Мать. Да не знаю еще! Мы вроде тетю Зину позвали, соседку, но у нее только что мама умерла, так ей не до праздников сейчас. Может быть, сами к ней зайдём. Посмотрим.

Иосиф. Mam, а кто-нибудь из моих ребят заходит?

Мать. Да! Ну, так не часто – знаешь, заняты ведь все. Галка в прошлом месяце зашла. Она выглядит неважно. У нее там с мальчиком проблема – болеет все время. Женька из Москвы звонит иногда. Все хорошо!

Иосиф. Денег-то вам передали?

Мать. Да, не волнуйся. Приехал твой приятель. Спасибо! Ну что еще? Кот вот совсем старый стал. Его теперь в кресло поднимать надо. Сам запрыгнуть не может. А он ведь огромный, тяжелый. Его только отец поднять может. Да ладно... Как ты там? Как тебе живется, работается?

Иосиф. Mam, да нормально все. Преподаю. Интересно. Студенты бывают неплохие. Пишу чего-то там...

Мать. Ты все один? Женщина есть какая-нибудь?

Иосиф. Есть!

Мать. Ну и хорошо!.. Ты не пьешь?

Иосиф. Пью!.. Маленькими глотками.

Мать. Не пей! Береги себя...

Иосиф. Мам, все в порядке. Ну, дай отца на минутку.

Мать. Сейчас. Целую тебя, малыш.

Иосиф. Давай, целую.

Мать (Отцу). Иди поговори с сыном. Да быстрее двигайся, кретин, это же международный звонок.

Отец. Да.

Иосиф. Пап, как ты?

Отец. Да нормально вроде.

Иосиф. Как себя чувствуешь?

Отец. Потрясающе...

Мать (Отцу). Вот старый кретин...

Иосиф. Ну хорошо, а вообще как вы там? Как мать себя чувствует?

Отец. Да нормально вроде. Ничего.

Иосиф. Что нового?

Отец. Зима новая.

Иосиф. Холодно у вас?

Отец. Да нет, вроде ничего. Одежда теплая есть.

Иосиф. Пап, ты можешь по-человечески рассказать, как у вас дела?

Отец. Конечно. Вот смотрим по телевизору «В мире животных». Про лягушек.

Мать. Неслыханный идиот.

Иосиф. Каких лягушек?

Отец. Пресноводных.

Иосиф. Ты куда нибудь ходишь, кого-то видишь?

Отец. Мать твою вижу. Часто. Хожу с ней в магазин. Вот ветчину в банке вчера купили.

Иосиф. Ну ты читаешь что-нибудь?

Отец. Конечно. Журнал «Крокодил». И программу телевидения.

Иосиф. Понятно.

Отец. Ну а как твои успехи? Как работа?

Иосиф. Ничего. Есть работа. Пишу, преподаю.

Отец. Печатают тебя?

Иосиф. Иногда.

Отец. А сколько ты в месяц зарабатываешь?

Иосиф. Когда как...

Отец. А сколько булка хлеба у вас стоит?

Иосиф. Да тоже по-разному.

Отец. А на работу ты как добираться?

Иосиф. Да это недалеко. Или пешком, или на метро.

Отец. Ну хорошо. Ну ладно. Давай, правда, не будем много наговаривать. Звони.

Иосиф. Ладно. Пока!

Отец. Будь здоров! *(Слышны сигналы отбоя, кладет трубку, передразнивая.)* Пишу, преподаю... Как был балбес, так и остался...

(Отец снимает с себя кофту. Под ней видны подтяжки, которые он оттягивает и шлепает. Вытирает пот со лба. Затем он насыпает ложкой сахар в пустой стакан и только после этого наливает чай. Размешивает и, перед тем как сделать первый глоток, делает гримасу, как будто боится, что чай слишком горячий.)

Пока отец размешивает чай, сын снимает с себя кофту. На нем тоже подтяжки. Вытирает пот со лба. Он точно повторяет все движения отца, и гримасу от горячего чая они делают одновременно. Сидят у противоположных порталов, пьют чай.)

Актриса *(стремительно выходя на авансцену)*. Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом,

– словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли... Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах. Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно... *(Пауза.)*

Тела живых существ исчезли в прахе, и вечная материя обратила их в камни, в воду, в облака, а души их всех слились в одну. Общая мировая душа – это я... я... Во мне душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и

последней пиявки. Во мне сознания людей слились с инстинктами животных, и я помню все, все, и каждую жизнь в себе самой я переживаю вновь... *(Показываются болотные огни.)*

Мать *(тихо и широко, с ужасом)*. Это что-то декадентское.

Иосиф *(с упреком)*. Мама!

Актриса *(продолжает)*. Я одинока. Раз в сто лет я открываю уста, чтобы говорить, и мой голос звучит в этой пустоте уныло, и никто не слышит... И вы, бледные огни, не слышите меня... Под утро вас рождает гнилое болото, и вы блуждаете до зари, но без мысли, без воли, без трепетания жизни. Боясь, чтобы в вас не возникла жизнь, отец вечной материи, дьявол, каждое мгновение в вас, как в камнях и в воде, производит обмен атомов, и вы меняетесь непрерывно. Во вселенной остается постоянным и неизменным один лишь дух... *(Пауза.)*

Как пленник, брошенный в пустой глубокий колодец, я не знаю, где я и что меня ждет. От меня не скрыто лишь, что в упорной, жестокой борьбе с дьяволом, началом материальных сил, мне суждено победить, и после того материя и дух сольются в гармонии прекрасной и наступит царство мировой воли. Но это будет, лишь когда мало-помалу, через длинный ряд тысячелетий, и луна, и светлый Сириус, и земля обратятся в пыль... А до тех пор ужас, ужас... *(Показываются две красных точки – это Яков включает фонарики, размахивая руками, делает странные телодвижения.)* Вот приближается мой могучий противник, дьявол. Я вижу его страшные, багровые глаза...

Иосиф *(Якову)*. О, Господи! Какой восхитительный дьявол! Да, вы – гений, господин начальник! *(нюхает воздух)* Сейчас, будет пахнуть серой и прочей химией!.. Да здравствует, декадентская многозначительность!

Яков. Это – классика! Великий писатель!

Иосиф. Он мне не нравится!

Яков. Кто?

Иосиф. Да этот классик...

Яков. Он уважаем повсюду в мире.

Иосиф. Он не метафизичен, он всего лишь врачеватель во всех смыслах.

Яков. Врачеватель?

Иосиф. По мне, ему не достает душевной агрессии. Его двойственность никогда не сможет быть понята всеми...

Актёр (*кричит*). Довольно! Занавес! Подавай занавес!.. Занавес!.. Виноват! Я выпустил из вида, что писать пьесы и играть на сцене могут только немногие избранные. Я нарушил монополию! Мне... Я... (*убегает*).

Яков. Да, вы сучок еще тот! Ничего святого!

Иосиф. Я вообще не хожу в театр. Читаю пьесы – это доставляет мне удовольствие. Смотреть постановки невыносимо, уж очень в них все «понарошку». Не могу делать над собой усилие, чтобы заставить себя поверить в то, что происходит на сцене.

Яков. Вас смущает публика, актеры или все вместе?

Иосиф. Вот именно, все вместе.

Яков (*серьезно*). Так вы считаете, например, Шекспира лучше читать, видеть мысленным взором, чем воплощать на сцене?

Иосиф. Представляющие сегодня Шекспира актеры не должны быть озабочены игрой, фехтованием или убедительно умирать, им надо как можно четче произносить слова роли. Когда читаешь Шекспира, создается странное впечатление, что публика в театре «Глобус» была более искушенной, чем сегодняшние зрители. Язык его так изумителен, изыскан, столь впечатляющ...

А часто ли ставится Шекспир? Возьмем Бродвей – хоть одна пьеса Шекспира была поставлена за последнее время? Нет.

Яков. Интересно, что вы думаете о Бродвее?

Иосиф (*грустно, через паузу*). Красивая улица, но на ней много огней и чересчур большое движение.

Яков. Наш диалог сейчас, кстати, тоже звучит, как пьеса...

Иосиф. Хорошая пьеса!

Яков. Сарказм?

Иосиф. Почему? Просто констатирую...

Яков. Вы хотели бы писать драмы?

Иосиф. Отчасти, да. Мне интересно, как строится диалог. В стихотворении есть диалогическая, диалектическая логика: одна строка противостоит другой. То же происходит и в музыке: звук и его эхо. Вот это-то мне и нравится, нравится видеть, как далеко может разнестись эхо. Оно может привести вас к подлинному звуку. Тем диалог и интересен.

Яков. Почему бы вам не написать пьесу?

Иосиф. Не знаю... Почему я не сделал этого... Отчасти потому, что здесь, в Америке, нет возможности увидеть пьесу поставленной. Кто поставит написанную на русском языке пьесу? Какая-нибудь эмигрантская труппа? Достаточно проблем с написанием стихов... Это сложные вопросы.

Яков. Сложные вопросы надо решать...

Иосиф (*неожиданно громко, словно в другую комнату*). Значит, задавайте ваши сложные вопросы.

Актриса (*включая свою лампу, очаровательно заикаясь, кричит ему в ответ*). У меня нет сложных в-в-в-вопросов...

ФАНТАЗИЯ ТРЕТЬЯ.

Актриса не спеша, одевает парик, приводит себя в порядок, достаёт блокнот, ручку и садится к столу.

Иосиф (долго смотрит на актрису, берет поднос, на котором две чашки чая). Кота, что ли, вам разбудить? Замечательная история в связи с разбуженным котом. В шестидесятых годах в Югославии к моему другу приехала какая-то дама, то ли лейбористка, то ли консерватор, в общем из парламента. Он необычайно воодушевился. Дело происходило зимой. Он не знал, как ей продемонстрировать свои сантименты. У него был свой собственный зоопарк на том острове, где он жил, и вот, чтобы продемонстрировать ей свою страсть, он сказал: хотите я для вас разбужу медведя? Дело было зимой. И медведя разбудили. Ха-ха. Хотите, я разбужу для вас кота? Сахар... (*Уходит, кричит.*) Что же вы молчите? (*Появляется с сахарницей.*)

Актриса. Я не молчу. Я вас слушаю...

Иосиф. Я понимаю ваши страхи, опасения, надежды, неуверенность человека, выросшего, так же как я, в тоталитарном государстве... Что происходит в этой системе... Когда вы рождаетесь в ней, когда вы в ней существуете – это все равно какое-то состояние гипноза. В этом мы живем и от этого невозможно убежать, и вся хитрость в том, КАК от этого отделаться. Я думал совсем недавно, что например, даже самое святое существо – представим себе какого-нибудь современного Зосиму, – если его посещают откровения и он, начинает думать о мире, о высшем существе... И высшее это существо, и этот мир он все равно строит по той иерархической сетке, в которой он воспитан. То есть, если он будет говорить о Боге, он будет говорить о нем как о верховном существе, как о существе, которое выше начальника. То есть о том, что находится сверху. Он не подумает о том, что это сбоку где-то может находиться. Это ему и в голову не придет. И в этом катастрофа. Потому что эта система, она конструирует человека по своему подобию. Или человек конструирует себя по ее подобию. Я уж не знаю, где тут

яйцо, где курица. Вот ведь в чем печаль. Не в том, что человеку не дают из этой клетки выскочить. А в том, что, выскочив, он немедленно начинает сооружать такую же клетку.

Актриса. Есть замечательная история Дарелла про то, как он выпустил зверей из зоопарка, а они все вернулись.

Иосиф (*встает, смотрит в окно*). Ну да, совершенно верно. Знаете, единственное, на что я надеялся, что в моих писаниях хотя бы этого нет.

Актриса (*подходит к нему*). У вас свои с-с-с-страхи...

Иосиф. Страхи? А какие у меня страхи?..

Актриса. Вы верите в Бога?

Иосиф. Я – язычник! (*Поворачивается к ней, дотрагивается до её плеча и медленно начинает её раздевать.*)

Актриса (*слабо сопротивляясь*). Это неожиданно... В нашем интервью намечается крутой поворот.

Иосиф. Где вы живете в Ленинграде?

Актриса. На Васильевском острове.

Иосиф. Где именно?

Актриса. На девятнадцатой линии.

Иосиф. Где на девятнадцатой?

Актриса. Угол девятнадцатой и набережной Шмидта.

Иосиф. Окна куда выходят?

Актриса. На девятнадцатую линию. Из окна видно красный трехэтажный дом и дерево... Одинокое дерево... (*вдруг отстраняется, через паузу*). Вы задали этот вопрос – про окна.

А я как-то думала: смех, конечно, но мне страшно представить, что из коммуналки надо выезжать и отказываться от этого красного дома и дерева из окна.

Иосиф. Отказаться можно от всего. От всего можно отказаться.

Актриса. Нет. Вы, наверное, очень свободный человек, а мне нечем гордиться. Если понимать привязанности как рабство, я вынуждена согласиться с тем, что моя сущность – рабская. Впрочем, если и страх понимать как рабство – тоже.

Иосиф. Вот, смотрите, кот – он гуляет сам по себе... Коту совершенно наплевать, существуют ли нацисты или коммунисты. Коту безразличен президент США, его наличие или отсутствие. Чем я хуже этого кота?

Актриса. Хуже кота может быть только – кот... *(Гасит свою настольную лампу.)*

На сцене темно. Только ярко светит один прожектор.

Яков *(в сильном возбуждении).* Стоп! Стоп!.. Вы сами затронули эту тему. Вопрос интимный, стыдный для нормальных людей. Ну и чудненько... *(Включает электропилу, громко перекрикивая вой машины.)* В таком с теперь вы мне расскажите историю о всех телках своих. Вы ж, поэт, кучу народу перепортили. Давайте, колитесь, гигант половой, не стесняйтесь. Расскажите про эту, художницу с маникюром... Во как вам сперма-то в голову шибанула! Знали, что цапнут, а все равно поперлись к ней в Питер... *(Начинает пилить бревно.)*

Актриса *(снимает парик, набрасывает на себя тёплый платок и начинает разглядывать ногти на руках).* Пора делать маникюр - сосед опять с утра ремонт затеял...

Иосиф. Ты не видела мои носки?

Актриса. Нет, не видела!

Иосиф *(заглядывая под стол)* А, вот они...

Актриса (*наливая чай в чашку*). Чай...

Иосиф. Спасибо! Как ты?

Актриса. Угу...

Иосиф (*садится за стол и видит только одну чашку*). А тебе чая?

Актриса. Не хочу... (*кричит Якову*.) Прекратите! Это невыносимо!

Яков (*выключает пилу*). Простите!

Иосиф. Давай я налью? (*улыбается*) Сосед, кажется, заткнулся...

Актриса (*кивает*). Это счастье, слава Богу!

Иосиф (*греет руки о горячую чашку*). Мне вчера в купе забавный попутчик попался – огромный детина. Он нажрался пива и начал жаловаться. На жену, на тещу, на тестя и на их собаку ньюфаундленда. «Фаня, - говорит, - Фаня...» Потом залез спать на верхнюю полку и, когда поезд тормознул, свалился. Сломал головой столик. Я думал, не встанет, а он только затылок почесал, сигарету в зубы засунул и в тамбур ушел.

Актриса (*берет большой альбом для рисования и цветные карандаши*). Когда ты назад?

Иосиф (*пробует шутить*). А что, уже пора? (*Актриса рисует, и не отвечает. Иосиф дотрагивается до ее плеча*). Ну, в общем, я тут уже все дела сделал, да?

Актриса (*убирает плечо*). Кто-нибудь еще знает, что ты здесь?

Иосиф. Ну, Женька. Он мне денег одолжил.

Актриса. А родители?

Иосиф. Да нет. Я же прямо с вокзала к тебе (*закуривает*).
Что у тебя сегодня, какие планы? (*Актриса вдруг начинает смеяться, показывает ему нарисованное в альбоме, Иосиф продолжая*). Это кто? Дай сюда... (*Она не отпускает блокнот. Он тянет его к себе*). Ну, дай посмотреть! (*внезапно отпускает блокнот и обнимает ее, начинает целовать в шею, спускает платок с плеч, целует плечи. Она сначала отвечает на его ласки, но затем резко отстраняет его*).

Актриса. Ну вот и все...

Иосиф. А давай я тебя за город увезу? Ораниенбаум, а?

Актриса. Сегодня не получится.

Иосиф. А, ну да, ну да...

Актриса (*достает яркий берет, надевает его на голову и с улыбкой поворачивается к нему, хвастаясь*). Ну как?

Иосиф. Божественно. Твоему-то нравится?

Актриса (*снимает берет и швыряет его на вешалку. Берет падает на пол, она его не поднимает*). Тебе пора!

Иосиф (*надевает пальто и шапку*). Пока.

Актриса. Подожди. Не ходи через парадную. Вот, возьми ключ от черного хода, иди через двор... Ты ведь все-таки в ссылке...

Иосиф. Ах, какие нежности. Я тронут! (*Выходит.*)

Актриса (*оставшись в квартире одна, плачет*).
Ну и черт с тобой! Таким, как ты, место только в тюряге...

ФАНТАЗИЯ ЧЕТВЁРТАЯ.

На сцене полный беспорядок, как после обыска. Холодно. Видно, что за окнами идёт снег.

Яков (*в тёплой шапке ушанке, включает свою лампу, волнуясь, тыкая пальцем в листок, словно сделал открытие*). Примерно в первое тысячелетие до Р. Х., а если вам нужны точные координаты, то в седьмом веке. В этом именно веке стандартная греческая форма письменности называлась «бустрофедон». Буквально это слово значит «бычий ход» и означает форму письма, которое похоже на пахоту, когда плуг, достигнув конца поля, разворачивается и движется в обратном направлении. На письме это означает строку, которая бежит слева направо, затем, достигнув поля, поворачивается и бежит справа налево. Большая часть написанного в тот период по-гречески была написана в этой, я бы сказал, бычьей манере.

Бустрофедон сложился как минимум из двух способов письма: еврейского и шумерского. Еврейское письмо шло, как и сегодня, справа налево. Что до шумерской клинописи, она шла в основном так же, как мы пишем сейчас: слева направо.

Еврейское письмо справа налево истоками, полагаю, восходит к резьбе по камню, то есть к процессу, в котором резчик держит резец в левой, а молоток в правой руке.

Шумерское письмо для своих повествований или документации полагалось скорее на глину, то есть керамику, нежели на камень, и писец мог отпечатать свой клин на глине с той же легкостью, с какой он пользовался бы пером на папирусе или пергаменте.

Отсюда его беглость и способность продолжаться, невзирая на границу. «Ну и что, – говорит предложение, врезавшееся в край керамической таблички, – я просто повернусь и продолжу свой рассказ на оставшейся поверхности», поскольку, скорее всего, и буквы, и рисунки, не говоря об орнаменте, наносились одной и той же рукой.

Иными словами, сам по себе материал, использовавшийся в греческом письме в это время, а также его сравнительная хрупкость наводят на мысль о вполне доступном и распространенном характере этой процедуры. Даже и в этом смысле греческое письмо было значительно в большей степени

письмом, нежели аналогичные процессы в еврейском и шумерском, и, по-видимому, эволюционировало быстрее, нежели они. О темпах этой эволюции свидетельствуют как минимум сравнительно короткая история бустрофедона и его статус археологического раритета. И как часть эволюции возникновение поэзии в греческом языке многим обязано этому археологическому раритету, ибо трудно не распознать в бустрофедоне, по крайней мере визуально, предтечу стиха...

Иосиф *(в тулупе, с авоськой, в которой – бутылка водки).* А вот и я! Ссылно-каторжный! Прибыл без опозданий!

Яков *(прячет листок, продолжая обыск, копается в книгах, бумагах, какие-то книги и листки откладывает себе в портфель).* Быстро вы как обернулись.

Иосиф *(смеётся).* Да, быстро...

Яков. До конца не успел все доделать... Много у вас барахла накопилось... За день не разберешься.

Иосиф. Вы опять с электропилой... Зачем?

Яков. Да пустяки, дрова нужны для дома.

Иосиф. Занятно!.. Поужинаете со мной?

Яков *(мнется).* У меня тут еще работы... Ну что там слышно? Кого видели?

Иосиф. Да кого видел? Никого. Ольгу в магазине – продавщицу. Холодно. Все попрятались.

Яков. Во-во! Хорошо вам: как холод, из нор и носу не кажете, а тут -- служба.

Иосиф *(достает бутылку из авоськи, банку огурцов, хлеб, лук. Выкладывает все это на стол. Режет хлеб, открывает огурцы. Открывает и разливает водку).* Прошу к столу!

Яков (*садится*). Ну, с другой стороны, можно и потом дела завершить... За здоровье! (*Выпивают*). Ну что, как вам тут у нас, на Севере? Привыкаете мало-помалу?

Иосиф (*наливает по второй*). Да...

Яков. Это хорошо. Между первой и второй – перерывчик небольшой... (*Выпивают*.) Это вам не городское житье. Смотрите, как народ здесь крутится... Это не Америка.

Иосиф. Это правда... Голь кругом... Одна продавщица Ольга во всей красе.

Яков. Ольга, говоришь. Ольга – дрянь. Пьющая. А для меня пьющая женщина никуда не годится... Да... С бабами у нас тут беда! У вас-то дама есть, там, в городе?

Иосиф. Ну так...

Яков. Как, то есть так? В каком смысле?

Иосиф. Да сложно все...

Яков. Как это – сложно? Не понял.

Иосиф. Да сам не знаю, есть она у меня или нет...

Яков. Х-м-м! Сейчас проясним. Наливайте... (*Наливает*.) Ну, с богом! Чтоб все было просто. (*Выпивают*.) Объясните мне теперь, что там у вас с ней сложно? Вы ее это - того?

Иосиф. Ну да.

Яков. Ага. Ну так чего сложно-то? Она вас любит или нет?

Иосиф. Да, иногда вроде любит, а иногда... не знаю...

Яков. Так это вы ей по пять раз на дню на почту-то звонить бегаєте?

Иосиф. А вы откуда...

Яков (*горько*). Работа у меня такая. Сами понимать должны.

Иосиф. Ну да... Ну да...

Яков. Сложно у него... Сложно... А вот у меня тут все просто. Черное – чёрное. Белое – белое... Я тут на десять деревень знаю кто чего. И какую можно цапануть, когда надо. Порядок полный... Наливайте, давайте... (*Выпивают.*) Вы вот писатель. Так ведь? Ну тут-то вы как все - работаете то есть. Но в городе-то вы писателем были...

Иосиф. Поэтом.

Яков. Поэтом! Это ничего не меняет. Стихи я тоже люблю... (*серьезно.*) Только никак понять не могу – на хрена стихами писать, когда и так все сказать можно?

Иосиф. Можно-то можно, только длинно получится. Пока рассказывать будешь – заснут все.

Яков. Ну то есть...

Иосиф. Скажем, хочу я, например, рассказать, что в юности был геологом, что раньше жил в городе, про друзей, про родителей, а теперь живу здесь, на Севере. Да так рассказать, чтоб вы всю картину увидели. Да еще к тому же в четырех строчках, ну или в восьми.

Яков. А куда торопиться-то? Почему прям в четырех?

Иосиф. Ну потому, что так язык развивается.

Яков. Какой такой язык?

Иосиф. Русский, к примеру.

Яков. А на хрена?

Иосиф. Как на хрена? Вот раньше как пахали? Там плугом, с лошадьми. А теперь – тракторами, если не сломаны, да?

Яков. Ну?

Иосиф. Потому что техника развивается... Так и язык. Стихи, они совершенствуют язык и позволяют ему точнее и глубже выразить все вокруг. То есть стихи, поэзия развивают язык быстрее, чем проза. А потом и простой человеческий, разговорный язык тоже становится интереснее и точнее.

Яков. Налейте-ка еще... Не, про технику я понимаю, а вот про стихи пока не очень.

Иосиф (*наливает*). Как вы думаете, чем человек отличается от обезьяны?

Яков. Это мы знаем – человек работать начал.

Иосиф. Да ладно! Лошади вон тоже работают. У человека есть язык, чтоб общаться. Значит, язык и есть главное орудие прогресса. А поэзия, как самая мощная двигательная сила языка, выходит, и ведет человечество вперед, да?

Яков. То есть вы, поэты, и двигаете все вперед?

Иосиф. Да не совсем. Скорее язык сам все двигает, а мы как бы его инструменты, да? Когда вы хвалите того или иного поэта, всегда совершаете ошибку, потому что хвалить надо не поэта, а язык. Он в некотором роде как природа... Поэт или писатель оказываются поблизости, чтобы подобрать плоды, которые падают.

Яков. А когда, скажем, стихи дрянь, то это язык виноват?

Иосиф. Ну, не совсем так.

Яков (*по-отечески*). Умный вы слишком... Нехорошо это (*выпивают*). Проще надо быть!

Иосиф *(жует)*. Куда уж проще! *(Смотрит в стакан.)* Вот вы знаете, как чабаны удовлетворяют свои сексуальные нужды?

Яков *(жует)*. Как?

Иосиф. Они вставляют задние ноги козы в голенища своих сапог, чтоб коза не вывернулась и не убежала, а затем делают свое дело.

Яков *(смотрит на свои ноги, помолчав)*. В сапоги?.. Логично *(смеется)*. Ну трепло вы... Это вы об этом в тех иностранных книжках начитались? *(Показывает на полки.)* Я это говно у вас конфискую. Подозрительные они.

Иосиф. Да это ведь стихи. Там же видно... Одни они!.. Я их перепрячу!

Яков. Кладите их, куда хотите... От меня не спрячешь... Не знаю, кому чего видно, но книги не наши. Значит чьи? Правильно. Вражеские. Вот я их и забираю.

Иосиф *(волнуясь)*. Да вы ведь... Зачем вам?

Яков. А ну не повышать голос на представителя власти при исполнении! А то я такой раппорт могу накатать! Чуете?

Иосиф. Ну да... *(Укоризненно.)* Что с вами?

Яков *(выливает в стакан и выпивает остаток водки)*. Я слишком прост, чтобы понимать вас... пассатиж его в рот! Ладно, вот как мы поступим *(достает из портфеля несколько книг и бросает их к деревянным козлам, включает электропилу и начинает пилить)*.

Иосиф *(вскакивает из-за стола)*. Что вы делаете? Остановитесь!

Яков *(продолжая пилить)*. Скажите спасибо, что к делу не подшил... Не слышу...

Иосиф (*кричит*). Спасибо!

Яков. Ну вот так! Филигранная работа... Чудненько, чудненько... (*Кладёт пилу, потирает руки, собирается уходить, но останавливается.*) А ведь вы котов любите?

Иосиф. Каких котов?

Яков. Ну каких? Разных, кошачих. У вас ведь всегда коты в доме жили. Так?

Иосиф. Ну, так... (*Вызывающе.*) У кошек нет ни одного некрасивого движения...

Яков (*сосредоточенно*). Не, я собачник. Знаете, смешная история тут произошла на одной собачьей выставке. Там два человека встретились. У каждого пес на поводке. У одного – красавец, выставочный кобель, шерсть блестит, уши торчком, медалист. А у другого так, ничего особенного. Так вот хозяин этого пса спрашивает хозяина медалиста: «А как это у вашего так шерсть блестит? Чем вы его смазываете?» А тот: «Мясом...» Ну этот, не долго думая, побежал, купил антрекот и натер свою собаку мясом. Тут пес совсем на черта стал похож – шерсть липкая, сосульками свисает. Ужас. Хозяин обалдел и опять к этому, к медалисту – что, мол, не так? А тот ему: «Дебил, я же изнутри смазываю». (*Смеется.*) Ладно, Язык, устал я от вас, пойду отдохну... Вы тоже, кстати, можете взять перерыв (*разминает руки, одевается и, вдруг, резко обернувшись к Иосифу, категорично*)... Но в Питер больше не суйтесь. Накажем. Будьте здоровы! (*Уходит. За столом остаётся один Иосиф*).

Конец первого акта.

ВТОРОЙ АКТ

Темная сцена. По прежнему, слева на авансцене: деревянные козлы для распила дров. Вокруг фотоаппараты, принадлежности для проявления и печатания снимков, сами снимки, посуда, фарфор, белье, скатерти, обувные коробки, верстак, на нём - батарейки, старый морской китель, бинокли, семейные альбомы, пожелтевшие журналы, шляпы и платки, веера и прочие сувениры памяти. Справа, тот же длинный стол...

Только сейчас всё это смотрится, как-то гораздо ярче.

ФАНТАЗИЯ ПЯТАЯ.

Иосиф (*выходя на авансцену и почти весело*). Не понятно в кого я такой конь. Мой отец ростом метр семьдесят. Мама - метр шестьдесят четыре... С одной стороны, никогда не находил с родителями явных общих черт, даже когда специально разглядывал себя в зеркало; с другой - ребенком я проводил с матерью больше времени: в основном из-за кочевой жизни отца. Четырехлетнего, мать научила меня читать; декламировать стихи, кататься на коньках и лыжах, более того, я люблю готовить и хорошо это делаю... Одним словом, подавляющая часть моих жестов, интонаций и ужимок, всё-таки полагаю, от нее. А также некоторые из вредных привычек, в том числе курение...

Но, например, когда я вожу машину, часто потираю руки вот так (*показывает*). Это - от отца. А упрямство, конечно, от матери. Упрямство, вспыльчивость и быстрая отходчивость... Отец всё держал в себе, словно устрица. Скрытность – примета его времени и занятий. Мать – другая... Наверное, поэтому о жизни матери и её семьи я знаю больше, а об отцовской стороне - очень мало, да и то в основном из маминых рассказов... Я даже не знаю, где точно похоронены родители отца...

Актер (*выходит, надевая белый халат, теперь он похож на доктора, говорит строго, заглядывая в бумаги*). Хм-м-м!.. (*Оглядывается вокруг.*) Разве **ЭТОТ** текст у нас дальше по сюжету?

Отец (*следом за Актёром, громко*). Позвольте вас спросить, доктор, какой город за границей вам больше понравился? (*садится за стол*).

Актёр. Венеция... А может быть, Генуя...

Отец. Почему Генуя?

Актёр. Там превосходная уличная толпа. Когда вечером выходишь из отеля, то вся улица бывает запружена народом. Движешься потом в толпе без всякой цели туда-сюда, по ломаной линии, живешь с нею вместе, сливаешься с нею психически и начинаешь верить, что в самом деле возможна одна мировая душа, вроде той, о которой мы уже говорили в начале...

Отец. Кстати, о нашей пьесе: вот мой фотоаппарат, правда разобранный... Но я его починить могу... И мы можем поснимать толпу, улицу, людей...

Мать (*входит с полными авоськами*). Ты, лучше **мне** помоги.

Отец (*с неохотой встает, чтобы взять у нее сумки*). О, опять весь гастроном скупил. Кассу не принесла?

Мать (*разбирает сумки*). Представляешь, пока за огурцами стояла, баклажаны подвезли.

Отец. Хорошо, что арбузов не подвезли.

Мать (*считает деньги*) Ты ведь любишь...

Отец. Обожаю. Чтобы это все тухло, а мы потом выбрасывали?

Мать. Да я баклажаны потушу – они в холодильнике долго простоят.

Отец. И я буду их есть, пока не посинею?

Мать. Саш, ты чем там занимался? Аппаратом своим? Ну вот и продолжай.

Отец. Да я-то занимался, а ты, как всегда, всю пенсию спустила в начале месяца. Мы Пономареву и так должны... Маша, ты ведь бухгалтер. Ну сведи дебит с кредитом!

Мать. Саша! У тебя фотоаппарат разобран. Убери его со стола, пожалуйста, я скоро накрывать к обеду буду.

Отец. Ну конечно. Пришла Маша – жизни нет. Начинается обед.

Мать. Не тяни меня за язык, пожалуйста.

Отец. Я «не тяни тебя за язык»? Мне этот фотоаппарат нужен, чтоб заработать денег, которые ты мгновенно профуфыкаешь.

Мать. Уймись!

Отец. Вот так: фу-у-у-у-фык – и нету.

Мать. Я не могу больше твою жадность терпеть. Ты всю жизнь мне каждую копейку в нос тычешь. Надоело, не могу больше. Я отстояла огромную очередь, купила еды, притащила не пойми как. Сейчас вот пойду готовить, чтоб вас, ненасытных троглодитов, прокормить, и ты мне вместо спасибо — профуфыкаешь? Да ты знаешь, кто ты после этого?

Отец (*угрюмо*). Троглодита...

Мать. Что?

Отец. Одного ненасытного троглодита. Другому – если только в Америку в кастрюльке бандеролью отправить...

Мать. Ой...

Отец. Что?

Мать. Саш! А я ведь, правда, все еще на троих покупаю... и готовлю... Прости меня, дуру старую...

Отец (*гладит ее по голове*). Масенька...(Мать уходит, Отец за ней). Масенька... Масенька!

Актер (*хмурится, обращаясь к Иосифу*). Ну, а как **наши** дела?

Иосиф (*недовольно*). О, это вы, мой доктор!

Актер. Да! Представьте!.. Как себя чувствуете?

Иосиф. Чувствую?.. Спасибо. Потрясающе! Спасибо. А вы?

Актер. Прекрасно, спасибо! Значит, жалоб нет?

Иосиф. Я в порядке, а вот вы, доктор, смотрю, поправились, да? Вам надо поосторожней с этим. У нас ведь с вами сейчас самый опасный возраст, да?

Актер. Насчет возраста вы правы, но я не...

Иосиф. Вы еще курите! Знаете, что нельзя, и тем не менее дымите как паровоз?

Актер. Да я не...

Иосиф. Ну что вы говорите: «я не...» – я же вижу. Если вам на себя наплевать, подумайте о своей семье. У вас ведь есть дети?

Актер. Есть.

Иосиф. Ну вот! Вы работаете как вол, курите, едите, что попало и, я уверен, не занимаетесь спортом, да?

Актер. Я строго слежу за своим питанием и регулярно...

Иосиф (*перебивает*). Я уже молчу про алкоголь. Это ведь так естественно, после тяжелого дня заглянуть в бар на рюмочку-другую?

Актер. Да я никогда...

Иосиф. О, еще лучше – дома пьете! Тут уж вас никто не остановит, да? Эх, доктор, доктор... Вы соображаете, что вы делаете? В вашем состоянии у вас только одна возможность выжить – это полностью поменять свой режим! Извините за прямоту, но так, как вы себя сейчас ведете, я вам больше трех лет жизни не дам. Сколько раз на дню вам приходится пить сердечные капли? Два-три раза по меньшей мере, да? Они ведь только на крайний случай, понимаете?

Актер. Хорошо, я все понял. Еще что-нибудь?

Иосиф. Вам этого мало?

Актер. Достаточно... Откройте рот, пожалуйста (*Иосиф открывает рот и выполняет все просьбы врача*). Скажите, пожалуйста, «а».

Иосиф. А-а-а-а-а-а!

Актер. Ага. А теперь, пожалуйста, «у».

Иосиф. У-у-у-у-у-у!

Актер. Ах вот как? Ну-ка, ну-ка...

Иосиф. Что «вот как»?

Актер. Пока ничего. А можно теперь «ы»?

Иосиф. Ы-ы-ы-ы-ы-ы!

Актер. Спасибо! Да-а-а-а... Ну давайте теперь нервные окончания посмотрим. Закройте глаза. Возьмитесь правой рукой за левое ухо. За мочку. Хм-м... Ну ничего, ничего... А, теперь левой рукой за правое ухо. Нет, правую оставьте на месте. Вот-вот это уже лучше. Левая, конечно, лучше... Не открывайте

глаза. Высуньте язык. Ага! Ну ладно! Все ясно. Опустите руки, откройте глаза.

Иосиф. Доктор, это все?

Актер. Почти. Потерпите еще одну минуту. Давайте почки проверим. Встаньте! *(Иосиф встает.)* Будьте добры, руки вытяните вперед. Да, вот так. А теперь подпрыгните, пожалуйста *(Иосиф прыгает)*. Боли в пояснице нет?

Иосиф. Нет, кажется...

Актер. Кажется? Еще раз, пожалуйста... Подпрыгните... Только осторожнее! И еще. Не больно? Еще. А сейчас? Еще, еще... И при этом откройте рот со звуком «а». Давайте попрыгайте, попрыгайте. Не резко! Еще...

Иосиф. А-а-а-а-а *(прыгает)*.

Актер *(улыбается)*. Теперь побегайте! Можно на месте. Медленно...

Иосиф *(останавливается, смотрит на доктора в недоумении)*. Доктор... *(начинает смеяться, все громче.)*

Актер *(хихикает)*. А... а теперь, на одной ножке... ха-ха-ха... проверим пищеварение... ха-ха-ха!

Они оба долго хохочут. Наконец несколько успокаиваются.

Актер. Повеселились, и хватит... Сейчас я посмотрю вашу простату и выпишу вам лекарства. Пройдите сюда, пожалуйста. *(Надевает резиновую перчатку, берет тюбик крема, и они оба скрываются за ширмой.)* Сюда. Ага... так... Снимите штаны!.. Не напрягайтесь... Перевернитесь на живот и встаньте на четвереньки. Да, вот так...

Иосиф. Ой!.. Больно!

Актер. Потерпите чуть-чуть...

Иосиф. Ой!.. Осторожно, доктор! Вы ведь у нобелевского лауреата в жопе ковыряетесь...

Актер. Отлично!.. Одевайтесь!

Доктор выходит из-за ширмы и стремительно идет в дальний угол к телефону. Набирает номер.

(старается говорить негромко). Але... Добрый день! Это доктор Штейман. Мэм, пожалуйста, не волнуйтесь, все нормально, ваш муж у меня на приеме. Звоню, как мы договаривались... Картина не очень благоприятная... Я посмотрел результаты его кардиограммы и анализов. Я хочу очень вас попросить внимательно следить за его режимом и диетой. А так же, пожалуйста, проследите, чтобы он во время принимал лекарства, которые я ему выписал... *(Слушает)* Я знаю, что нелегко... Но это совершенно необходимо. В его состоянии я бы рекомендовал немедленную госпитализацию, но знаю, как он к этому отнесется, поэтому решил сначала позвонить вам *(слушает)*. Да... да... Сигареты и алкоголь вообще противопоказаны. Любыми средствами!.. *(Слушает.)* Поверьте, я тоже... Я понимаю, что у вас маленький ребенок, но вам необходимо сейчас следить за здоровьем мужа. Необходимо, понимаете?!

Иосиф *(выходя из-за ширмы)*. Что, доктор, плохи мои дела?

Актер. Дела, как сажа бела... Ничего страшного, но давайте-ка, мой дорогой, потихоньку начнем спортом заниматься... И курить надо бросать, лучше всего сегодня. Понятно?

Иосиф *(бормочет)*. Ну конечно, доктор. Сегодня и начну, и брошу.

Актер. Я бы в вашем состоянии был поосмотрительнее...

Иосиф. Да ладно, не волнуйтесь вы так. Одним пациентом больше, одним меньше.

Актер. Не говорите глупостей.

Иосиф. Доктор, вы когда-нибудь муравейник видели? Воткните в муравейник палку – наверняка пару особей убьете или по крайней мере покалечите. Ну так, что их лечить будут?.. Скорая помощь, реанимация, ультразвук, ЭКГ? А если весь муравейник бензином залить и поджечь? Муравьиный конец света... И кто об этой катастрофе узнает? По «муравьиному телевидению» минуту молчания объявят? Книги напишут, поэмы, оперы с балетом? «Холокостом» назовут?

Актер. Знаете что! При всем моем уважении к вашим...

Иосиф. Громадным заслугам, достойным восхищения!.. Я вчера целых двух гусениц в муравейник припер? Так муравьи их сожрали за милую душу... Веселая жизнь!

Актер. Ну, это кто себя кем считает. Хотите быть муравьем – на здоровье. Гусеницей – тоже ничего... Все вы здоровы языком чесать, пока не приперло...

Иосиф. Превосходно, доктор. Теряем самообладание. Ну, что у нас следующим номером...

Актер. Это не ваше дело мне указывать.

Иосиф. Сейчас муравей муравью лапку отгрызет. Ха-ха!

Актер. Все! Ваш визит окончен. Спасибо. Мы вам пришлем результаты анализов и рецепты на дом. Всего доброго!

Иосиф. Сейчас уйду... Вот только одно короткое воспоминание... Я был пацаном, война только недавно закончилась... Помню, как на какой-то станции мы с матерью ждали поезда. Станция являла собой картину первозданного хаоса. Люди осаждали теплушки, как обезумевшие насекомые; они лезли на крыши вагонов, набивались между ними и так далее. Почему-то мое внимание привлек лысый увечный старик на деревянной ноге, который пытался влезть то в один вагон, то в другой, но каждый раз его сталкивали люди, висевшие на подножках. Поезд

тронулся, калека заковылял рядом. Наконец ему удалось схватиться за поручень, и тут я увидел, как женщина, стоявшая в дверях, подняла чайник и стала лить кипяток ему на лысину. Старик упал... Вот и все воспоминание... *(Пауза.)* До свидания, доктор, и извините меня за приступ моей мизантропии... Вы, доктор, делаете свою работу... и прекрасно делаете – у меня зад до сих пор болит!.. *(Грустно.)* Каждый достоин того, чего он достоин...

ФАНТАЗИЯ ШЕСТАЯ.

(Шум зала, аплодисменты).

Актриса *(с букетиком цветов, почти задыхаясь от искреннего восторга, сейчас, она очень похожа на подростка).* Вы достойны многого!

Иосиф *(несколько озадачен).* В каком смысле?

Актриса *(сильно смущаясь).* Иосиф, как я рада, что вас вижу. Я еле вырвалась на ваше чтение. Родители не хотели меня пускать.

Иосиф. Вот как... А почему?

Актриса *(протягивает букетик).* Они считают вас хамом и, простите...

Иосиф *(берет букетик).* Хамом и кем?

Актриса *(шепотом и потупив глаза).* Бабником.

Иосиф *(грустно).* Они абсолютно правы.

Актриса. Я вас боготворю. Я счастлива, что живу с вами в одном городе.

Иосиф. Ну и славно. Всего доброго...

Актриса (*чуть не плача*). Ну пожалуйста, поговорите со мной хоть минутку.

Иосиф. Ну, только минутку. После этого я начну хамить и бабничать.

Актриса. Я знаю, что я молода и вам неинтересно говорить со мной всерьез.

Иосиф. А что, надо?

Актриса (*все еще смущаясь*). Пожалуйста, не старайтесь казаться хуже, чем вы есть на самом деле. Вы, Иосиф, поразительный человек. Всю свою юность вы писали по-русски, а сейчас в Америке так же легко пишете и даже преподаете на английском, ведь это другой способ мыслить, другие знаки. Неужели английский не влияет на ваши русские стихи?

Иосиф (*недовольно*). Наверное - «да». Когда вы, окруженный англоговорящими, пишете по-русски, вы более внимательно следите за вашей речью. Это становится процессом аналитическим.

Актриса. Ой! Написание стихов – аналитический процесс... Я думала – скорее эмоциональный... Вы, помимо стихов стали писать эссе, рецензии, предисловия. У вас должна быть очень счастливая, наполненная жизнь. Я бы все отдала, чтобы иметь хоть крупицу вашей славы, признания. Вы всем нужны, вас все знают.

Иосиф. Слава, признание, счастливая жизнь? О чем вы, милая? Да я утром просыпаюсь, пью кофе и смотрю, что у меня лежит на столе. В основном там лежит не то, что хотелось бы. Или письмо, на которое надо отвечать, или книга, которую надо рецензировать, или речь, которую надо будет произносить. Я бы предпочел сесть и начать царапать свои стишки.

Актриса. Но ведь вы можете все это лишнее отбросить ради нового стихотворения?

Иосиф. Больше не могу... Раньше я писал пятьдесят-шестьдесят стихотворений в год. Сейчас, я пишу десять-пятнадцать. Иногда больше, но не намного, и тогда они короткие. Я опутан, как паутиной, сроками сдачи рецензий, статей... Я не могу полностью отгородиться, потому что за всеми этими письмами стоят люди, которым ты своим отказом доставишь неприятности.

Актриса (*опять смущаясь*). Вы великий поэт... Пожалуйста, занимайтесь только собой!

Иосиф (*смеется*). Великий поэт! Ух, как это вас понесло... Впрочем, действительно, я ведь должен писать стихи, и все... Вы правы: что-то здесь не так.

Актриса (*серьезно*). Может быть, вы не знаете, о чем писать?

Иосиф (*сердито*). Поэт пишет не «о» и не «что», даже не «во имя». Он пишет из-за некоего гула внутри... Я ведь сам себе создал эту жизнь, в которой все мешает написанию стихов... Извините, мне пора...

Актриса. Да...да... Я уйду! Берегите себя! (*уходит*)

Яков (*входит с упаковкой пива*). Я вот тут пива голландского купил. Шесть бутылок за восемь долларов. Это нормально?

Иосиф. В каком смысле?

Яков. Ну, цена нормальная? Не обманули меня?

Иосиф. Не думаю.

Яков. Ну хорошо. Хотите пивка холодного? Я его из холодильника взял. Бутылки еще запотевшие. Эх...

Иосиф. Да нет, спасибо. Я не по пиву... Вы опять с электропилой?

Яков. А как же! Я ведь в командировке. На вражеской территории (*смеется*)...

Пиво, значит, не хотите... Жаль... Очень жаль... А знаете когда я полюбил пиво? Мне было лет семь. Мой дед взял меня в баню. Мы попарились, а потом сидим на скамейке, он заказал пиво. Себе – большую, поллитровую, а мне маленькую (*открывает бутылку*). Сам первый глоток сделал и говорит: «Попробуй, Яша, пиво. Оно прекрасно утоляет жажду». Я попробовал и сразу полюбил пиво (*пьет с удовольствием*)... В пиве главное качество и количество. Правда, потом срать часто хочется, но это, говорят, полезно... Эх, за-ме-ча-тель-но!.. Что грустите, друг мой?.. Кстати, Иосиф, давно хочу спросить: домой-то небось тянет? А тем более сейчас, там вас любят, зовут, печатают. А чего, все просто – сел в самолет и вышел в Пулково...

Иосиф. В Пулково, в Пулково... Да вряд-ли. Что мне там делать?

Яков. Стихи писать. Но только теперь наконец получить не подпольное самиздатовское признание, а широкое, достойное.

Иосиф. Как-то чересчур пафосно звучит...

Яков. «Пафосно звучит»? А как насчет Нобелевки? В бабочке, во фраке, трансляция на весь мир. Скромненько и не помпезно (*доверительно, шепотом*). Да вы не бойтесь... Я, конечно, понимаю, что фигу в кармане держать выгодно. Вы ведь в идеальной позиции. В России все помнят, как вас притесняли, поэтому сейчас почет и уважение. Здесь вы кто? Экзотика! Еще один «политический аргумент» во славу свободы и «прав человека» (*с пониманием, участливо*). Только, согласитесь, во всем этом ажиотаже становится трудно оценить качество вашей поэзии. А если убрать всю эту ботву? Как, выдержите конкуренцию?

Иосиф. Да ни с кем я не соревнуюсь...

Яков. Как сказать!.. Я согласен – вам не легко. Понимаю, в общем-то, вы правы – выперли вас со свистом, а теперь зовут назад. Что там говорить, наверное, так и надо – я бы тоже не поехал.

Иосиф. Время ушло... Но на самом деле у меня там, конечно, есть дела... На могилу к родителям поехать, и сын там... Друзья, опять же. Надо многих повидать, пока живы.

Яков (*с тревогой*). Но там вам покоя не дадут – всем будете нужны. Миллион новых друзей появится. Хотя это только сначала, потом успокоятся. И сможете вы погулять по городу, понюхать воздух. Один побыть. Вы, конечно, себя убедили, что Америка всего лишь продолжение вашего пространства, но там что важно, на улицах по-русски говорят. И надписи везде: галантерея, аптека, концертный зал, ремонт обуви, прием стеклотары...

Иосиф (*сердито*). ...жэк, милиция, психиатрическая больница номер восемь. Ну его к дьяволу! Пусть все останется так, как есть. Ностальгировать по своей юности я могу и здесь. Возвращаться я не собираюсь, а туристом – идиотизм.

Яков. «К дьяволу» – говорите! Ну и правильно. Мужчина должен принимать решения и их выполнять. Вы ведь уже сделали свой выбор – оставили родителей, хотя прекрасно знали, на какую жизнь вы их обрекаете, бросили сына, друзей, любимую женщину. Правильно, молодец! Такие решения ценятся высоко и вознаграждаются сполна.

Иосиф (*кричит*). У меня не было выбора!

Яков. Эхе-хе-хе-хе! У человека всегда есть выбор. Сколько их, безымянных поэтов, осталось там? Они - **свой** выбор сделали. Конечно, их по телевизору не показывали. Сидели они там на хлебе и воде, писали в стол... Вот из-за них там теперь все по-другому, и это они теперь вас в гости зовут, а вы можете выкобениваться. Всё правильно... Не надо вам туда ехать – есть там люди, которые за могилой ваших родителей присмотрят...

Иосиф. Чего вы добиваетесь?

Яков. А вы как думаете?

Иосиф. По-моему, в ухо.

Яков (*грустно*). Ах, ну да! Мы же нервные. У нас же справочка есть. Мы ведь в психушках побывали. Вы, кстати, левша или правша?

Иосиф. Сейчас узнаете (*встает, резко, сильно бьет Якова в лицо – тот падает*).

Яков (*поднимается и трет ушибленное место*). Я так и думал - правша!.. Вот это вполне по-нашему. Аргумент бывшего советского художника! Молодец! Сильный поэт! (*Включает электропилу и принимается пилить бревно*).

Иосиф (*тяжело дышит, трет рукой в области сердца, нервно начинает разбирать бумаги на письменном столе, что-то он складывает на столе, остальные комкает и бросает в большой пластиковый мешок, который стоит рядом*). О!.. Дьявол!.. Меня когда-нибудь найдут мертвым, упавшим головой в этот мусорный мешок с черновиками.

Актриса. Сделать тебе кофе?.. Хочешь?

Иосиф. Да какой кофе? Его здесь даже поставить некуда. Бардак!

Актриса. Ну отвлечись ненадолго. Отдохни...

Иосиф. Да это же надо мной висеть будет. Я и так уже этот стол видеть не могу. А еще ящики... И шум на улице... Когда все закончится? Господи!.. Закрой окно!

Актриса (*закрывая окно*). Ты лекарство выпил?

Иосиф (*просматривая бумаги и бросая в мешок*). Хм-м. Бумага... Бумага... Sheet of paper... Shit of paper.

Актриса приносит стакан с водой и таблетки. Протягивает ему.

Иосиф. Не сейчас...

Актриса. Сейчас!

Иосиф. Оставь меня в покое!

Актриса. Нет проблем!

Иосиф. Не трогай меня, пожалуйста.

Актриса. На, на, выпей!

Иосиф. Отъебись!

Актриса. Да сдохни ты! *(Кладет лекарство на журнальный столик, демонстративно садится обратно в кресло.)*

Иосиф *(некоторое время копается в бумагах, потом поворачивается к ней)*. Ну прости... Ну видишь... Я ненавижу убирать. Прости... Давай лекарство. Просто если я эту уборку буду делать по-человечески, то это вообще неделю займет. Приходится выбрасывать почти не глядя. Наверняка потом что-то искать буду.

Актриса. А ты бы еще реже убирал...

Иосиф. Да, ты права. Дай лекарство.

Актриса. Сам возьми.

Иосиф. Ну пожалуйста, дай лекарство. Ты видишь, мне сложно оторваться.

Актриса. А мне плевать.

Иосиф снимает с колен бумаги, встает и берет таблетки со столика. Выпивает их.

Иосиф *(улыбаясь)*. Ну хочешь, я всю эту уборку к черту брошу?

Актриса. Да, хочу.

Иосиф. Ну сейчас. Еще немножко...

Актриса. Какой же ты... Я с тобой живу, ухаживаю за тобой. Ребенка тебе родила. Ты бы давно окочурился без меня. Кота вон твоего кормлю... Мне ведь ничего не надо. Просто человеческого отношения, уважения какого-то, чуть-чуть внимания. Ты ведь не можешь сказать, что у меня трудный характер. Ты хочешь, чтобы я ушла? Только скажи. Хочешь? Ты же сам знаешь, что тебе никого лучше не найти.

Иосиф. Ну конечно, знаю.

Актриса. Я же идеальная для тебя женщина! И дома, и в постели, и друзьям показать не стыдно.

Иосиф. Завидуют.

Актриса. Я тебе еще нравлюсь?

Иосиф. Очень.

Актриса. Ты мне ни одного стихотворения не посвятил. Даже вот такого намека на меня – нигде. Я у тебя там, в голове, не существую. Ты, живя со мной, продолжаешь **другой** посвящать стихи. Я все понимаю – романтические воспоминания и так далее, но ведь вот я тут, рядом, и романтики хоть отбавляй. Ты тридцать лет, как не с ней. Ты другой, она другая, все другое. Как это у тебя все там происходит внутри?

Иосиф (*задыхается, рукой начинает массировать область сердца*). Сейчас, погоди секунду...

Актриса (*вскакивает, хватает стакан с водой*). На, выпей немного.

Иосиф (*чуть успокаивается и тяжело дыша*). Ну почему не существуешь? Конечно, существуешь...

Актриса. Ладно, проехали.

Иосиф. Да нет, все ты верно говоришь. Просто время ничего не значит. То есть значит, но не так, как мы думаем

Актриса. Ты продолжаешь быть с ней?

Иосиф (*через паузу*). Ну конечно... И с тобой, и с родителями, и с Шекспиром, и с Горацием... Ты помнишь, как мы с тобой сидели в этом смешном баре и смотрели друг на друга? Это же тоже никуда не делось, просто оно в другом времени, да?

Актриса. Ты хочешь быть со мной? Я имею в виду серьезно?

Иосиф (*трогая ее за плечо*). Ты же знаешь: у меня есть только две вещи – моя жизнь и моя поэзия... Что-то одно получается серьезно, а в другом – только делаешь вид. Нельзя с успехом выступить одновременно в двух шоу. В одном из них приходится халтурить.

ФАНТАЗИЯ СЕДЬМАЯ.

Длинный телефонный звонок.

Отец. Але!

Иосиф. Але! Але!

Отец. Здравствуй, сынок!

Иосиф (*удивленно*). Привет-привет!.. Что-то ты давно меня так не называл... Как дела?

Отец. Ты мне сейчас очень нужен... Я хочу сказать тебе... Я должен сказать... Вернее – спросить... Мягкая, хлопчатобумажная ткань из семи букв, вторая – «у», пятая – «з»?

Иосиф. Хм-м. Какие буквы?

Отец. Вторая – «у»... А... знаю!

Иосиф. Ну?

Отец. Бу-ма-зея.

Иосиф. Господи, откуда ты это помнишь? Бумазея... Ну ладно, как вы там...

Отец. А что у тебя нового?.. Ты замок поменял?

Иосиф. Какой замок?

Отец. Ну, ты говорил, что...

Иосиф. А-а... нет, не успел еще. Замотался. Скажи лучше...

Отец. Так как же ты в дом-то попадаешь?

Иосиф. Я не запираю дверь.

Отец. Как это так? У вас не воруют, что ли?

Иосиф. У меня нечего воровать. Пишущую машинку, что ли, или кота? Ты скажи, где...

Отец. Звонок этот дорого стоит?

Иосиф. Какой звонок?

Отец. Ну вот этот твой телефонный звонок сюда. Дорого?

Иосиф. Не знаю точно...

Отец. Ну примерно?

Иосиф. Надо посмотреть, я не знаю. А зачем тебе?

Отец. Хорошо! Давай...

Иосиф. Что?

Отец. Посмотри.

Иосиф. Что посмотреть?

Отец. Сколько стоит. Сколько звонок стоит...

Иосиф. Потом посмотрю... Ты мне лучше расскажи, как вы живете...

Отец. Нет-нет, подожди... Скажем, ТЕБЕ это дорого?

Иосиф. Да вроде ничего, нормально. Ты мне можешь...

Отец (*перебивает*). В общем, не знаешь... Ну ладно, ладно... А что ты ел сегодня?

Иосиф. Не помню... Что-то ел...

Отец. Вспомни!

Иосиф. Вот пристал!.. На ланч ел, кажется, индейку с овощами и десерт – клубнику с мороженым.

Отец (*горько*). Зачем ты мне врешь!.. Как тебе не стыдно!.. Ты уже взрослый парень...

Иосиф. Почему – вру! Я говорю тебе правду.

Отец (*кричит*). Какая может быть клубника! Сейчас – з-з-зи-ма!!!

Иосиф (*мягко*). Пап, ну ты, чего... Успокойся!.. Здесь клубника зимой – обычное дело.

Отец (*после паузы*). Ветер сегодня сильный был – я думал, окна вылетят. Но сейчас ничего, успокоилось.

Иосиф. Пап, а как...

Отец. Вот сволочь!

Иосиф. Кто?

Отец. Да кот. Надул мне в тапок, мерзавец. А ну пошел отсюда, чтоб глаза мои тебя не видели.

Иосиф. Пап, как там Мася?

Отец. погоди секунду, у меня тут... *(Берет тапки и кладет на шкаф)*. Благо он старый, на шкаф уже не залезет. Сейчас... *(поднимает с пола вазу, книгу и тоже кладет на шкаф)*. Вот так, ничего...

Иосиф. Что ты там делаешь?

Отец. Прячу вещи от этого мерзавца. Так что ты там говорил? Как твои студенты?

Иосиф. Разгильдяи! Впрочем, есть не совсем тупые. А скажи...

Отец. Ты знаешь, кто мне звонил?

Иосиф. Кто?

Отец. Помнишь Андрея Петрова, фотографа?

Иосиф. Ну... Он жив?

Отец. Да... Он нашел несколько моих снимков с Балтики. Старые совсем снимки. Я и забыл про них. Вот собираюсь с ним встретиться, забрать.

Иосиф. Хорошо.

Отец. Нет ну какой мерзавец? Он котенком был – не писался, а тут...

Иосиф. Пап...

Отец. Это он мне мстит за что-то, гаденыш. Шишь тебе будет, а не сметана...

Иосиф. Ты меня слышишь?

Отец. И нечего отворачиваться. С тобой, гад, разговариваю... Мне что, на полу ничего оставить нельзя?

Иосиф. Папа, папа...

Отец. Что?

Иосиф. Пап, да бог с ним, с котом. Ты...

Отец. А твой тебе в тапки тоже дует? Или они у вас там воспитанные?

Иосиф. Да бывает тоже...

Отец. Вот интересно – почему? Из каких соображений?

Иосиф. Ну если меня долго нет... Или вдруг ко мне кто-то пришел, кто ему не нравится.

Отец. О да, это они четко понимают. Ну и как ты справляешься?

Иосиф. Вытираю, да.

Отец. Ну-ну... А как ты думаешь, если он в телевизор наделает, телевизору капут?

Иосиф. Пап, да забудь ты про кота. Это не важно... Скажи лучше, как Маша?

Отец (*долго молчит, плачет*). Знаешь, сынок, Маша... нашей мамы, больше нет. Вот так...

В телефоне короткие сигналы отбоя.

Иосиф (*после паузы*). Я этой осенью нашёл две грибницы опят. Шикарные осенние опята. Всё как полагается - с юбочками и рябыми шляпками. И грибницы здоровенные - штук по двадцать

каждая – почти как в России... В Америке, в лесу не собирают грибы, не принято, видимо, боятся отравиться... Мама не боялась! Она обычно опята отдельно мариновала. Она их чистила, отваривала в солёной воде, на всякий случай, и закатывала в банки. На зиму, на Новый год... В основном мы справляли праздник дома. К нам приходили гости. Но иногда ехали к комунибудь из родительских друзей... Помню: сборы в гости выглядели примерно так: мать одевала и собирала меня, внимательно наблюдая, чтобы я не испачкал или не порвал что-нибудь. Затем выдавала одежду отцу, помогала ему одеться, проверяла, как он выглядит... И наконец, когда мы оба были готовы, она выставляла нас на лестницу и старалась как можно быстрее одеться и привести себя в порядок... Оказавшись за пределами квартиры мы с отцом понимающе мигали друг другу, поглядывая с нетерпением на дверь, за которой мать одевалась со скоростью ракеты. Затем отец произносил что-то типа: "Мася, долго тебя ждать. Тут жарко." А я радостно поддакивал: "А мы Масю обогнали..."

Долго смотрит в зал, начинает собирать свой портфель, кладет туда бумаги, книги.

На сегодня всё... Вопросы?

Актер (*из зала, одевая кипу, с мягким южным акцентом*). Простите, профессор. У вас есть минута?

Иосиф. Смотря для чего.

Актер. У меня два личных вопроса.

Иосиф. Ну, валяйте...

Актер (*громко*). Вы по рождению еврей, но в ваших произведениях полно христианских героев, ситуаций, символов. Почему? Раздвоение личности или что-то еще? Я просто хочу понять: читаю ли я еврея, который изучает историю, или, простите, выкреста?

Иосиф. Сильно сказано!.. Я отвечу на ваш вопрос после того, как вы ответите на пару моих. Согласны?

Актер. Попробую...

Иосиф. Всегда ли вы правдивы? Хватает ли у вас смелости отстаивать свою точку зрения?

Актер. Ну, я стараюсь...

Иосиф. Ага, вы стараетесь. И как часто получается?

Актер. Конечно, я бы хотел, чтобы чаще удавалось, но...

Иосиф. В этом всё дело... Да. Я, может быть, несостоявшийся еврей и никакой не христианин или еще кто-нибудь... Трус ли я, достаточно ли у меня сил, чтобы не идти на компромиссы, как много добра я могу принести окружающим – вот что для меня важно.

Актер. Я понимаю, но...

Иосиф. Иудаизм и христианство – для меня это развитие одной религии и в конечном счете – история развития человечества. Христос появился в тот момент, когда новые идеи витали в воздухе, он просто стал как бы носителем новой концепции. Вот и все... Давайте свой второй вопрос.

Актер. О'кей! Интересно, чему вы можете нас научить? Вы, человек, извините, без законченного среднего образования. Я уж не говорю о высшем. Кем вы там были? Кочегаром, геологом?

Иосиф. Что самое замечательное: вы правы. Я пришел в литературу бог знает откуда, практически лишь из факта своего существования, из недр, не то чтобы от станка или от сохи, гораздо дальше – из умственного, интеллектуального, культурного небытия... По началу было ощущение, что я занимаю чье-то место...

Актер. Ну вот видите!

Иосиф. Я приехал с представлением, будто здесь все всё знают. И в лучшем случае, что я смогу им указать на какой-то интересный нюанс, который мне, как человеку из России, открылся. Я думал, что мой взгляд, мой угол зрения может дать всего лишь другой «фокус» предмета. Но выяснилось, что я знаю об американской литературе, и в частности об американской поэзии, ничуть не меньше, чем большинство американских профессоров.

Актер. Смелое заявление!

Иосиф. Моё знание предмета – качественно иное. Оно скорее активное: это знание человека, которому все эти тексты дороги. Дороже, пожалуй, чем большинству здесь. Моя жизнь, не говоря уже о мироощущении, была этими текстами из-ме-не-на. С таким подходом к литературе американские студенты, как правило, не сталкиваются. В лучшем случае им преподносят какого-нибудь поэта в рамках общего курса английской поэзии, привлекают поэта в качестве иллюстрации к какому-нибудь «изму»... Когда преподавателем становится не академик, а человек вроде вашего покорного слуги, который поэзией занимается, а не рассуждает о ней, когда преподаватель – персонаж из хаоса...

Актер. Вещаете, как пророк.

Иосиф. Хм-хм...

Актер. Простите мою наглость.

Иосиф. Да ничего... Я был значительно наглей. Как пророк, говорите? Кстати, литература и зовется «искушение пророчеством»... Ему – если он существует – должно нравиться то, что я делаю, иначе какой Ему смысл в моем существовании?

Актер. Скажите...

Иосиф. Это уже третий вопрос, да?

Актер. Так что? Разговор окончен?

Иосиф. Ну пожалуй, еще на один меня хватит.

Актер. Этот вопрос косвенно связан с первым. В ваших стихах полно «игр со смертью». Это некий артистический прием? Вы так смакуете...

Иосиф. К сожалению, нет... Мне сорок девять лет, но у меня было три инфаркта, две операции на сердце...

Актер. Тем не менее вы ведь не отказываетесь строить какие-то планы на будущее?

Иосиф. На этот счет есть замечательное выражение у английского философа Френсиса Бэкона: «Надежда – хороший завтрак, но плохой ужин»... Я прошу прощение, но ваша кипа неправильно надета, поправьте свою кипу, вы ее одели шиворот-навыворот...

ФАНТАЗИЯ ВОСЬМАЯ.

Яков (*выносит доски и начинает что-то сооружать*). А вот у меня сейчас все будет в порядке... Я должен сделать помост (*колотит молотком*)... Посадим Иосифа в центре и устроим ему последний допрос с пристрастием... Помост – допрос. Хорошая рифма!.. (*Осматривает электропилу и начинает её готовить к работе.*)

Актер (*пряча кипу в карман брюк, вытаскивая из кармана пиджака перья и пух, разбрасывает их вокруг себя*). Ложь! Ложь!.. Истинный талант! Ступает, как Гамлет, и тоже с книжкой! (*Дразнит.*) Слова, слова, слова... Он врет... Дьявол!

Яков (*занимаясь помостом*). Кто?

Актер. Этот, великий!

Яков (*колотит молотком*). Парень, что-то ты путаешь! Дьявол – это я... (*смеётся*). Ты бы не мусорил здесь...

Мать (*появляется из зала*). Нет-нет-нет-нет... (*говорит медленно*). Мы будем играть в лото... Пожалуйста, господа (*обращаясь ко всем*). Не будем терять времени, а то скоро ужинать...

Отец (*появляясь из-за кулис, бормочет*). Так прямо уж и господа!

Актриса (*быстро подходит к Актёру, поднимая пух и перья с пола, удивлённо разглядывает*). Что это значит?

Актёр (*отводит девушку в сторону, шепотом*). Я имел подлость убить сегодня эту чайку. Кладу у ваших ног (*выворачивает карманы, из которых высыпаются остатки пуха и перьев*).

Актриса (*смотрит на него*). Что с вами?

Актёр (*после паузы*). Скоро таким же образом я убью самого себя.

Актриса. Я вас не узнаю.

Актёр. Да, после того как я перестал узнавать вас. Вы изменились ко мне, ваш взгляд холоден, мое присутствие стесняет вас.

Актриса. В последнее время вы стали раздражительны, выражаетесь все непонятно, какими-то символами. И вот эта чайка тоже, по-видимому, символ, но я не понимаю... Я слишком проста, чтобы понимать вас.

Актёр. Это началось с того вечера, когда так глупо провалилась моя пьеса. Женщины не прощают неуспеха. Я все сжег, все до последнего клочка. Если бы вы знали, как я несчастлив! Ваше охлаждение страшно, невероятно, точно я проснулся и вижу вот, будто это озеро вдруг высохло или утекло в землю. Вы только что сказали, что вы слишком просты, чтобы понимать меня. О, что тут понимать?! Пьеса не понравилась, вы презираете мое вдохновение, уже считаете меня заурядным, ничтожным, каких

много... *(Топнув ногой.)* Как это я хорошо понимаю, как понимаю! У меня в мозгу точно гвоздь, будь он проклят вместе с моим самолюбием, которое сосет мою кровь, сосет, как змея...

Мать *(мягко, с доброй улыбкой)*. Идите к нам... Присаживайтесь, пожалуйста, располагайтесь поудобнее... Когда наступают длинные осенние вечера, здесь играют в лото. Вот взгляните: старинное лото, в которое еще играла с нами покойная мать, когда мы были детьми. Не хотите ли до ужина сыграть с нами партию? Игра скучная, но если привыкнуть к ней, то ничего *(сдаёт всем по три карты)*. Води, Иосиф!..

Яков. Стоп! Стоп! А как же последний допрос?

Отец *(сурово)*. Что-то я не пойму... Иосиф ваш пленник или, может быть, заложник?.. Что вы командуете... Здесь, слава богу, есть хозяйка. Правда, Маша?..

Мать *(улыбаясь)*. Не сорьтесь, дорогие мои! Води, Иосиф.

Яков. Хорошо! Хорошо!.. Я не против. Но посадите Иосифа в середине...

Мать. Ничего!.. Ему, там - удобнее.

Иосиф *(усаживается, достаёт бочонки из мешка)*.
Одиннадцать!

Отец. Есть.

Яков. Мне тоже дайте карты *(участвует в игре, продолжая возиться с электропилой, обращается к Отцу)*. А в каком звании вы демобилизовались?

Отец. В звание майора, а что? Маша, у тебя ведь тоже одиннадцать есть.

Мать. Не торопи меня, я знаю.

Иосиф. Семнадцать!

Яков. А в каком году?

Отец. В пятидесятом. Сразу после ждановского указа.

Иосиф. Двадцать девять!

Яков. Это у меня... Какого ждановского указа?

Отец. О том, что евреи не могут служить на командных должностях.

Яков. Хм-м! Интересно... Не слышал о таком...

Иосиф. Пять!

Актер (Актрисе). У меня есть! Видите!..

Актриса. Поздравляю!

Мать. Чаю хотите? Ой, что это я спрашиваю...

Яков. Интересно... Не слышал о таком указе, говорю.

Отец. Ну что ж, не слышали, значит, не слышали.

Иосиф. Сорок два!

Актриса. Ну наконец-то! Спасибо большое, Иосиф.

Яков. Любят люди оправдания себе искать. Указ: «евреев не брать»!!! Я ведь тоже не узбек. А вот служу, и ничего. Уже майор!

Отец. Ну и на здоровье... Вы на каком фронте служили?

Яков. Да меня после войны призвали. В Карелии, в пограничных войсках.

Мать (подаёт чай Иосифу). Ося, не обожгись. Не будь как отец.

Иосиф. Четырнадцать!

Актриса. Давайте я вам помогу (*расставляет чашки*).

Актер начинает ей помогать, но разливает первую же чашку.

Актер. Ой, извините.

Актриса. Лучше уж сидите. Я сама!

Мать. Да ничего страшного. Не беспокойтесь! Спасибо! Тесно, тут у нас.

Иосиф. Тридцать один!

Актриса. Ух, мне везет. Иосиф, вы мне подыгрываете.

Актер. Ну конечно, специально для вас...

Отец. Мася, ты играешь или нет? У тебя же тридцать один есть.

Мать. Ну и хорошо. Поставь за меня. Видишь, я занята.

Иосиф. Двадцать три, тридцать семь, двенадцать!

Отец. Ну куда затараторил, балбес?

Яков. Ха-ха, балбес он и есть!

Актёр. Ха-ха!

Отец. А ну-ка потише, товарищ «карельский» майор.

Актриса. Ха-ха!

Яков. Во-первых, не надо хамить! Во-вторых, Иосиф сам за себя постоять может. Или нет? А, Иосиф?

Иосиф. Тридцать шесть!

Актер. Это у меня.

Иосиф. Пятьдесят!

Актриса. Спасибо, Иосиф.

Иосиф. Двадцать четыре!

Яков. Что-то допрос у нас не получается...

Отец. А что в этом плохого? Есть двадцать четыре.

Яков. Иосиф, ну отреагируйте как-нибудь.

Иосиф. Девять!

Актриса. Иосиф, не отвечайте ему. Он сейчас от своего собственного яда взорвется.

Яков. Взорвусь, и вас всех, ангелов, дерьмом забрызгаю.

Отец. Да вы с ума все посходили? Какого черта к Иосифу лезете? Сочтет нужным – он вам ответит, у него свой язык есть.

Актер (*саркастически*). Только он этим языком витиевато пользуется... Одни цифры выкрикивает.

Актриса. Потому что его язык не для ваших кухонных склок.

Яков. Да, конечно! Для высокого слога... Ну что, Язык, может, скажете что-нибудь без протокола? Язык ведь ваше достояние, которого у вас, как говорят некоторые, не отнять...

Иосиф. Пятьдесят семь.

Яков. Это у меня. А лото – азартная игра?

Актер. То есть?

Яков. К примеру, как карты или рулетка.

Актер. Не думаю. Мы ведь не на деньги играем. Это ведь чистая удача.

Иосиф. Двадцать два.

Мать. Ну что вы расшумелись. Как будто правда на деньги играем. Двадцать два – это у меня.

Яков. Надо послушать, что Иосиф на эту тему думает. А, Язык? Я не шучу.

Иосиф. Сорок шесть.

Актер и Актриса вместе. Есть.

Актер (*Актрисе*). Мы с вами, как в одной команде, играем.

Актриса. Что-что?

Яков. Язык! Люди ждут вашего ответа.

Иосиф. Шесть.

Яков. Ну не хотите говорить, не надо. Сейчас я свою пилу запущу, там, глядишь, язык и развяжется (*пытается включить электропилу, трясет ее*). Помост – допрос!.. Помост – допрос!.. Рифма хорошая, но что-то у меня ничего не получается... Черт возьми, что-то не включается, проклятая пила! Неужели сломалась!.. (*Трагически шипит.*) Это – конец!.. Это – конец!

Иосиф. Единица!

Мать (*смотрит на карты*). Ой, я, кажется, закончила. Все сошлось! Ося, посмотри... (*Размахивает картами.*)

Иосиф (*трет грудь в области сердца, морщится от боли*). Мне отсюда не видно, мама!

ФАНТАЗИЯ ДЕВЯТАЯ.

(Слышен шум дождя).

Иосиф *(долго смотрит в окно сквозь слезы)*. Олени уходят лишь тогда, когда идёт дождь... В Поконо, на лужайке около моего дома постоянно пасётся оленья семья... Подъезжая к дому или покидая его, первое, что вижу, – это их. Мне кажется, олени пришли – два года назад, в точности, когда умерла мать. Во всяком случае, именно тогда я заметил их присутствие. В России, оленей в лесу в таком количестве никогда не видел. Зато тут их полно...

Заметил что к осени у них шерсть становится сероватой. Видимо для маскировки. Хотя от кого им прятаться? Раньше были волки, но теперь волков, как-будто здесь нет. Их истребили – волк опасный зверь...

Помню, когда я был маленьким, мы иногда летом с родителями в лес выезжали. Вечером у костра отец меня сажал к себе на колени и мы играли в игру - он тихонько рычал мне в ухо. Тогда, он был не отец, а – волк, а я - волченок. Но об этом знали только мы с ним... *(начинает аккуратно, осторожно собирать разбросанные перья)*. Здесь, в лесу не страшно. Волков больше нет, одни олени остались. Однако прошлой зимой, когда не стало отца, я однажды слышал ночью странный вой в лесу, вой очень похожий на волчий...

(Слышно только, как тревожно барабанит дождь).

КОНЕЦ

Редактор – корректор
Светлана Лапина